

Среди бурного моря возвышался небольшой островок. Со всех сторон окружали его неприступные скалы и подводные рифы, вокруг пенелись и бурлили волны. На острове росли кривые разлапистые сосны, под ними стлалась черника, на открытых местах рос колючий шиповник.

В прибрежных камнях гнездились морские птицы. А еще на острове жила Баба-Мора.

Баба-Мора была высокая костистая старуха с всклокоченной, как воронье гнездо, головой. Она прожила здесь всю свою жизнь. Питалась она ягодами шиповника и черникой. Иногда, если бывало настроение, ловила в прибрежной воде рыбешек, а когда наступала осень, не ленилась нагнуться и за приглянувшимся грибом.

Посреди острова стояла высокая сосна. Ее мощные корни уходили глубоко в землю, длинные изогнутые ветви тянулись к небу. В развилине этой сосны и построила себе дом Баба-Мора. Чтобы ветры не унесли ее жилище в море, к трем углам дома она привязала по огромному валуну, а к четвертому приспособила старый-престарый якорь, испещренный непонятными знаками. И все-таки свирепые осенние штормы иногда приподнимали дом высоко в воздух, но валуны и якорь не давали ему улететь. Когда ветер стихал, дом опять

опускался на прежнее место. Все стены дома были увешаны букетиками трав, связками грибов, пучками мха. Поэтому и сам дом, пристроившийся в ветвях сосны, казался большим растрепанным птичьим гнездом. Зато внутри него было уютно и красиво. На окнах висели занавески цвета морской волны. На полу лежал мягкий, как морская пена, белый ковер. Полки и шкафы были заставлены разными диковинными вещами, которые прибило к берегу во время штормов. Одни из них когда-то были на затонувших кораблях, другие всплыли из черных пучин моря.

Но самой замечательной вещью в доме Бабы-Моры был большой очаг: когда все кругом сковывала стужа, в нем уютно потрескивали сосновые шишки. На этом очаге Баба-Мора варила в медном котле колдовские зелья. Ведь Баба-Мора была колдунья. Своими снадобьями и заговорами она умела не только лечить любые хвори и недуги, но и насыпать их на других. Травы для своих снадобий Баба-Мора собирала на Большой земле, в борах и дубравах, в болотах и топях. Через море она перебиралась на огромном желтом воздушном шаре. И когда шар летел в поднебесье, казалось, будто на небо вышла полная луна. Только Бабе-Море больше нравилось странствовать безлунными ночами, когда никто не мог ее заметить. Не дело, чтобы колдуны мозолили людям глаза, считала Баба-Мора. Эдак и до беды недалеко.

Как-то ночью, в кромешный мрак, Баба-Мора находилась в пути. Вся она была обвешена мешками и мешочками с разными кореньями и корешочками, стручками и почками, так что казалась под ними сгорблленной, как буква «з».

На море свирепствовал шторм. Дождь лил как из ушата. Баба-Мора в мгновение ока промокла до нитки. Ветер был

такой сильный, что расправил ее, когда она со всем своим багажом добралась до берега. Бабе-Море это понравилось. От удовольствия она захотела. Баба-Мора любила ветер. Когда начиналась буря, у нее всякий раз поднималось настроение и ей хотелось петь. Голос у Бабы-Моры был хриплый, резкий и очень громкий, к тому же Баба-Мора больше всего любила озорные песни.

Баба-Мора и на этот раз запела вместе с ветром. Она пела все громче и громче и вскоре уже орала во всю глотку самые что ни на есть дурацкие песни. И даже пустилась в пляс.

Настроение у нее было преотличное. Баба-Мора надула свой шар. Ветер раз-другой попытался вырвать шар из рук и унести в разбушевавшийся мрак, но Баба-Мора ухватилась за него зубами и ногтями и вместе со своими мешками и мешочками взвилась под облака.

Ну и заваруха была над морем! С неба низвергались потоки воды, а волны взлетали так высоко, что касались ног Бабы-Моры. Ветром шар бросало из стороны в сторону, и несколько раз Баба-Мора чуть не свалилась в пенные валы. Но она изо всех сил держалась за свой шар и продолжала петь разорные песни: уж очень ей нравился этот бешеный полет.

Вскоре показался и остров, а шар стремительно летел все дальше и дальше. Удержать его не было никакой надежды.

— Бедная Морушка, — запричитала Баба-Мора. — Неужто не видать тебе больше своего дома?

Она стала дергать за разные веревки и веревочки, которыми управлялся воздушный шар. Но ветер давно уже спутал и перекрутил их. Шар оказался въ власти стихии. Ветернес его в открытое море.

В отчаянии Баба-Мора вцепилась ногтями в шар и приня-

лась рвать его. Шар тут же лопнул, и она вместе со всем своим багажом свалилась прямо на камни. Сверху на нее посыпались мешки и мешочки и обрывки воздушного шара. Камни были такие острые и твердые, что Баба-Мора на мгновение потеряла сознание.

Придя в себя, она первым делом пересчитала свои косточки. Как будто все целы и невредимы.

— С приземлением мне здорово повезло, — обрадовалась Баба-Мора и принялась собирать свое добро.

Шторм бушевал с прежней силой. Волны с грохотом разбивались о прибрежные камни. В водоворотах вместе с мусором кружились доски и щепки — останки разбитого корабля.

— Корабль наскоцил на рифы, — рассматривая их, заключила Баба-Мора. — Наконец-то. Я знала, что это случится.

Баба-Мора вошла в бушующие волны и стала прокладывать себе путь среди метавшихся вверх-вниз обломков. Она что-то искала. Волны то и дело со страшной силой швыряли ее на острые валуны, но Баба-Мора не обращала на это внимания. Ей было не до того.

Вдруг из рваных облаков бросилась вниз чайка и с криком вонзила когти в плечо Бабы-Моры.

— Ну-ну, — ласково сказала ей Баба-Мора. — Зачем такая прыть, моя милая?

Размахивая крыльями, чайка устроилась на плече Бабы-Моры. Баба-Мора погладила ее.

— Я уж стала беспокоиться, — сказала она. — Где ты пропадала?

В ответ чайка пронзительно вскрикнула. Баба-Мора с чайкой на плече побрела дальше, в открытое море. Вода уже была ей по грудь, волны то и дело перекатывались через го-

лову. В спутанные волосы Бабы-Моры набились водоросли и мусор. Однако она все еще не видела того, что искала.

— Пора бы, — пробормотала она.

Становилось все глубже. Баба-Мора поплыла. Чайка поднялась в воздух и полетела над самой ее головой.

— Ищи, милая, — сказала ей Баба-Мора. Но чайка только пронзительно кричала и била крыльями, сопротивляясь порывам бури.

Неподалеку между камнями волны бушевали и рокотали особенно яростно, так что в воздухе стояла водяная пыль. Туда и направилась Баба-Мора. Собрав все свои силы, она попыталась взобраться на огромный скользкий валун. Несколько раз ее смывало волной, но в конце концов ей удалось вскарабкаться на камень, и она выпрямилась в полный рост. Мокрая юбка хлестала ее по ногам, пенистые брызги ослепляли. Баба-Мора поднесла козырьком руку к глазам и осмотрелась.

И тут она увидела, как мелькнуло в воде что-то синее с золотом. Подобно молнии скользнула Баба-Мора в воду и вытянула свои длинные костиные руки, чтобы схватить находку.

— Иди, иди ко мне, мой миленький! — приговаривала она.

Тот, кого искала Баба-Мора, оказался загорелым моряком с погибшего корабля. Она схватила моряка за волосы и поплыла к берегу. До него было далеко, Баба-Мора совсем выбилась из сил, но расстояние сокращалось очень медленно. Чайка летела над ними, то поднимаясь вверх, то опускаясь пониже. Наконец они добрались до берега, и Баба-Мора вытащила моряка на песок. Затем она кое-как доволокла его до своего дома и поспешно развела в очаге огонь.

Дела моряка были плохи. Он пластом лежал на ковре

возле очага. При свете огня было видно, как страшно покалечила его буря. Голова разбита, лицо белее мела. Похоже было, что его последний час пробил уже давно.

Баба-Мора быстро отобрала какие-то травки и цветки и бросила их в котел. Вода с бульканьем закипела. Что-то бормоча, Баба-Мора помешала отвар, попробовала на вкус, сморщилась и сплюнула прямо в огонь. Дрова зашипели, и пламя окрасилось в зеленый цвет. Затем она наполнила горячим напитком кружку и влила его моряку в рот.

Едва волшебное зелье смочило губы моряка, как тот вскочил на ноги.

— Ах ты дьявол! — воскликнул он, подпрыгнув под самый потолок. Опустившись на пол, моряк вспомнил про кораблекрушение и осмотрелся. Он увидел пылающий очаг и сидевшую у огня Бабу-Мору. На ее плечах и всклокоченных волосах все еще висели водоросли, с одежды капало. Огонь озарял помещение зеленоватым светом.

— Никак я попал в ад для моряков? — опасливо спросил он. — Если мне не изменяет память, то я как будто утонул?

— Ты и был утопленник, — сказала Баба-Мора. — Я вернула тебя к жизни, а ты заявляешь мне, что мой дом — ад!

Моряку стало стыдно, и он начал извиняться.

— Просто мне не верится, что волны могли вынести меня на берег. Я точно помню, корабль пошел на дно в открытом море, у рифов, до берега было далеко. Команда успела сесть в шлюпку, а меня смыло волной заборт.

— Да, знаю, — сказала Баба-Мора. — Потому я и отправилась искать тебя. Я видела тебя там, у камней, в прошлую пятницу.

— В прошлую пятницу? — удивился моряк. — В прошлую пятницу мы были в Амстердаме. Здесь ты никак не могла меня видеть.

— Ишь ты, не могла, — усмехнулась Баба-Мора, и моряку стало не по себе.

— Скажи хоть, где я сейчас? — спросил он, изо всех сил стараясь казаться спокойным.

— В полуторе от того места, где твой корабль пошел на дно, — ответила Баба-Мора. — На моем острове.

— Не может быть, — возразил моряк. — Здесь поблизости нет ни одного острова, даже такого маленького, чтобы чайка могла свить себе гнездо. Я окончил не одно мореходное училище, объездил все моря и океаны. Уж я-то знаю, никакого острова здесь нет.

— Ну конечно, — заметила Баба-Мора. — Про заграницу всем все известно, а того, что дома, никто не замечает. Еще и прадедушки твоего на свете не было, когда про этот остров все знали, хотя и помалкивали, и не один отчаявшийся бедолага находил здесь приют и утешение.

Баба-Мора повернулась к моряку спиной и занялась своими делами.

Моряк хотел встать, но руки и ноги не слушались его.

— Что со мной? — спросил он испуганно.

— Корабль твой пошел ко дну, — сказала Баба-Мора. — Вот и тебе слегка досталось. Кости твои все перебиты, печени-ки-селезенки перепутаны.

— И голова болит, — пожаловался моряк.

— Ишь ты, болит, — сказала Баба-Мора. — А у самого-то полголовы не хватает.

С большим трудом моряк поднял руку и прикоснулся к голове. И впрямь осталось только полголовы!

— Выходит, я все-таки умер! От такой раны смерть наступает мгновенно! — с ужасом проговорил он.

— Тс! — шепнула Баба-Мора. — Ты должен лежать тихо-тихо.

— Позови же хоть доктора! — взмолился моряк.

— На моем острове я сама доктор, — ответила Баба-Мора.

Она уложила моряка в кровать и дала ему капель.

— Разве ты не станешь накладывать лубки на переломанные кости? — спросил моряк.

— Нет, — отрезала Баба-Мора. — Переломы я лечу только каплями.

Моряк испугался, но больше спрашивать он не решился. Он боялся Бабы-Моры, хотя и пытался скрыть это. Он ведь не знал, что Баба-Мора умеет читать чужие мысли.

— Странный все-таки народ эти люди, — сказала она чайке, поглаживая ее взъерошенные перья. — Если что-то делается не так, как они привыкли, то сразу начинают ворчать, что все это неправильно и плохо.

Чайка ничего не ответила, ведь она была всего-навсего птицей.

На другой день моряк чувствовал себя уже гораздо лучше.

Баба-Мора давала ему три раза в день капли, и вскоре он совсем поправился.

Он встал с постели и принялся ходить по комнате. У зеркала моряк остановился и стал разглядывать себя.

— Ах ты дьявол! У меня же теперь половина головы черная! — воскликнул он, ощупывая голову.

Баба-Мора подошла поближе и внимательно осмотрела его.

— М-да, — сказала она. — Не всегда все идет гладко, как ни осторожничай. Если хочешь, можно покрасить все волосы в черный цвет.

— А в светлый, как были, нельзя? — спросил моряк. Баба-Мора пожала плечами.

— Ну, если тебе так хочется, можно и в светлый. Только, поверь мне, черные волосы тебе куда больше к лицу.

Но моряку все-таки хотелось, чтобы волосы стали прежнего цвета.

Тогда Баба-Мора велела натаскать полный котел воды и вскипятила его. Затем после долгих поисков нашла в шкафу какой-то белый порошок и, приговаривая, кинула горсть этого порошка в воду. Когда вода чуть остыла, она сказала моряку, что он может, если хочет, помыть этой водой голову.

Моряк помыл голову и кинулся к зеркалу. Волосы стали такими же, как раньше. И все-таки что-то было не так: теперь голову моряка венчало нежное сияние.

— Господи! — воскликнул моряк. — Неужели моя голова так и будет сиять, как свеча?

Баба-Мора рассердилась.

— Все не по тебе! В старину люди готовы были не знаю что отдать, лишь бы заполучить такое божественное сияние! — сказала она.

— Так ведь я же не святой чудотворец, — пришел в отчаяние моряк.

— Ах вот что. Но ведь ты воскрес из мертвых. Разве, по-твоему, это не чудо?

— Куда я пойду с таким чудом? Друзья засмеют меня.

— Ну ладно, — успокоила его Баба-Мора. — Ступай на берег и потри голову песком, уж он-то снимет с тебя это сияние.

Сломя голову выскочил моряк из дома и помчался к берегу. Он набрал полные пригоршни песка и принялся тереть и драить голову, пока кожу не защипало и она не стала красной, как клюква. Тогда он вернулся в дом и посмотрелся в

зеркало. Нимб почти исчез. Тот, кто о нем не знал, ничего бы и не заметил. Моряк остался доволен.

— Если бы не я сам оправился от таких смертельныхувений благодаря одним только каплям, я бы никогда этому не поверил. Врачи сделали бы мне по крайней мере семь сложнейших операций, и то при условии, что до этого я не умирал, — сказал он.

— Что ж, — презрительно заметила Баба-Мора. — Иные люди собственным глазам не верят. С тобой в общем-то ничего страшного и не случилось, руки и ноги были почти целы. Если бы у тебя не хватало чего-нибудь более важного, то, пожалуй, так гладко бы все не обошлось.

Моряку захотелось немедленно отправиться домой.

— Перевези меня на лодке! — попросил он. — А то мои дома беспокоятся.

Но Баба-Мора ответила, что лодки у нее нет, да никогда и не было.

— На чем же ты добираешься до Большой земли? — удивился моряк. — Как ты живешь здесь, оторванная от всего мира?

— Не задавай глупых вопросов, — отрезала Баба-Мора. — Здесь мой дом. Я не смогла бы жить в том мире, оторванная от своего дома.

— Неужели тебе не хочется иногда прокатиться на автомобиле? — поинтересовался моряк. — Или посмотреть цветной телевизор?

— Не знаю. Во всяком случае, до сих пор мне было как-то не до этого.

— Значит, и мне придется теперь остаться здесь? — грустно спросил моряк. — Или я все-таки смогу вернуться домой?

— Там видно будет. Если мне удастся починить воздуш-

ный шар, я перевезу тебя, — ответила Баба-Мора и принялась вдевать нитку в иголку.

На шаре, как говорится, живого места не было — ёплошные дыры, веревки спущаны и в узлах, а сам он насквозь мокрый и в песке.

С шаром пришлось повозиться. Не раз у Бабы-Моры лопалось терпение и она швыряла нитку с иголкой в угол. Но моряк не сдавался и заставлял Бабу-Мору снова браться за работу. Наконец была залатана последняя дыра. Шар теперь походил на пасхальное яйцо — такой он был пестрый от заплат и штопки.

Оставалось дождаться темной ночи.

Баба-Мора и моряк уселись перед домом среди кустов шиповника и стали ждать. Ласково светило солнце, сладко пахли цветы шиповника.

— Послушай, Мора, а почему ты все-таки решила спасти меня? — спросил моряк, нежась на солнце.

— Смерть занесла над тобой свою руку, — ответила Баба-Мора. — Мне стало известно об этом. А если я узнаю про такое, то не могу не вырвать у курносой ее жертвы. Тогда и я чувствую, что у меня есть свое место на земле. Если бы я не спасла тебя, это тяжким бременем легло бы мне на сердце, и я бы уже нигде не смогла найти покоя.

Постепенно тени стали длиннее. Вскоре сгостились сумерки, ветер сменился, и ночью Баба-Мора на воздушном шаре перенесла моряка на Большую землю.

Когда Баба-Мора вернулась домой, она почувствовала недомогание. Она задыхалась от кашля, нос заложило, горло распухло. В пояснице ударил прострел, в животе начались

колики. В крестец словно нож вонзали. Голова кружилась, ноги подгибались, лихорадка била ее, будто злая сила.

— Бедная Морушка! Здорово ты простыла в эту бурю! — не могла нарадоваться Баба-Мора.

Она принялась стелить себе постель. Болеть она собиралась долго и всласть и потому достала чистые простыни и новое пуховое одеяло. Рядом с кроватью она положила целый ворох носовых платков и кучу градусников. Когда у Бабы-Моры бывала высокая температура, она то и дело ставила себе градусник, и каждый раз новый. В этом-то и заключалась особая прелест болезни. Градусники с самой высокой температурой она потом убирала в специальный ящик и время от времени по вечерам, когда пила чай, любовалась ими.

Сегодня вечером она решила еще не принимать лекарств. У нее имелись очень сильные средства, такие, что если принять их, то к утру от болезни и следа не останется.

Зато она приготовила отвар шиповника с медом, но и его пить не стала, чтобы не мешать нормальному течению болезни. Она поставила отвар на столик у кровати — теперь все было как полагается. Нужно сказать, что Баба-Мора обожала болеть.

Она легла в постель и сунула под мышку градусник. Температура была за сорок, так что ртутному столбiku уже некуда было ползти. Бабу-Мору кидало то в жар, то в холод.

— Бедная Морушка, до чего ж у тебя высокая температура, — произнесла она с радостным огорчением.

Бабе-Море было очень хорошо. Ее сотрясали приступы сильнейшего кашля.

— Бедная Морушка, — хрипела она, задыхаясь, — да ты кашляешь, как лошадь!

Кашлять было очень приятно, но в конце концов это надоело Бабе-Море. И хоть ей и было жалко расставаться с таким исключительным кашлем, она не выдержала и подготовила настой из трав. Она решила испробовать одну давно задуманную смесь, которой до сих пор еще не пользовалась. Баба-Мора взяла листьев болотной мяты, шалфея, корень лапчатки, медуницы, зверобоя и полыни и чуть-чуть нераскрывшихся почек тимьяна. Из всего этого она сварила крепкий-прекрепкий и такой горький напиток, что слезы брызнули из глаз, а кашель как рукой сняло. От медуницы она пропотела, а от этого падает температура. Зверобой снял колики в животе, шалфей вылечил горло, а тимьян, как ни мало его было, спугнул прострел.

Баба-Мора скинула одеяло и распахнула настежь окна, чтобы удержать температуру. Правда, оставался еще сильный насморк. Сквозняк пришелся насморку очень кстати — из носу потекло, как из бересцы сок по весне, запас носовых платков уменьшился на глазах. Теперь, когда кашель перестал ее донимать, апчихи звучали зычно, словно хор трубачей.

— Ах ты, бедная Морушка, — с радостным возбуждением сказала Баба-Мора, — этот насморк тебя доконает.

Она чихала и сморкалась изо всех сил. Одно было плохо: от постоянного сморкания заболел, потом вспух, а затем до крови покраснел нос. К тому же Баба-Мора вдруг вспомнила, что все эти грязные носовые платки ей придется позже стирать. Она тяжело вздохнула, вылезла из постели и втянула в нос целую пригоршню растертой в порошок руты. Разумеется, насморк тотчас прошел. И хоть смейся, хоть плачь, но от руты перестала болеть и поясница.

К счастью, оставался жар. Замечательная высокая температура с сильными приступами лихорадки и ноющей болью

в суставах. Баба-Мора решила, что позволит себе хоть немножко побредить как следует.

— Бедная Морушка, — сказала она. — Неужели твои дела так плохи, что ты начнешь бредить?

Увы, с бредом ничего не получилось. Мысли были на редкость ясными. Баба-Мора снова вылезла из постели и хлебнула порядочную порцию настойки спорыни, чтобы в голове помутилось. Но то ли она в горячке перепутала настойки, то ли спорынья подействовала наоборот, только температура начала теперь быстро падать и боли в суставах прошли.

— Ну, Мора, — сказала она недовольно, — похоже, ты идёшь на поправку.

С досады Баба-Мора выпила уже остывший отвар шиповника и крепко заснула.

Наутро Баба-Мора была совершенно здорова. Она вздохнула и сказала:

— Бедная Морушка, даже болеть тебе уже не под силу.